Воспоминания о Михаиле Великанове ***Александра Ильюхова, доктора наук, профессора (г. Москва).***

Главный памятник – добрая память

Первая моя встреча с Мишей Великановым (тогда его все звали именно так) произошла в январе 1968 года, более 40 лет назад. Я, тогда инструктор Смоленского обкома ВЛКСМ, приехал в Хиславичи готовить отчетно-выборную комсомольскую конференцию. И вот в райком вваливается запорошенный снегом какой-то бойкий парень в тулупе, с которым мы и познакомились. Оказалось, корреспондент местной газеты, недавно окончил школу. Завязалась беседа, и уже тогда меня поразило его знание поэзии Есенина. Он наизусть цитировал множество стихотворений, отчасти мне даже незнакомых, подробно знал биографию поэта.

Вскоре его взяли в газету «Смена» (орган обкома ВЛКСМ). Так как редакция помещалась на том же 4-м этаже Дома Советов, а я работал в отделе пропаганды, то мы часто «пересекались». Помню, как мы его провожали в армию, а потом были его юморные, живописные рассказы о службе. Жаль, что их никто не записывал, в том числе и он сам.

Миша весьма своеобразно не разделял в то время мои титанические усилия по части научных исследований. Так как я учился в аспирантуре заочно, то в командировки всегда брал учебники.

И вот году, этак, в 1973-м едем мы с ним в составе «бригады по подготовки вопроса на бюро обкома ВЛКСМ» в Монастырщину. Вечером, после работы, я рассчитывал посидеть несколько часов над книгами, но, к удивлению, не обнаружил их в номере. Недолгое расследование привело к установлению «похитителя», который и не отпирался, а объяснил свой поступок стремлением дать мне отдых. Пришлось два вечера «отдыхать» в обществе Миши, что было, конечно, интереснее штудирования исторической литературы, которая была возвращена мне лишь перед

самым отъездом.

Вообще, в начале 70-х годов жизнь свела нас вплотную. Миша поселился ненадолго в общежитии обкома ВЛКСМ. Мы с ним жили практически в однокомнатной квартире вдвоём. В это время он как раз и начал «дружить» со своей будущей женой Светланой. Мы часто проводили время вместе в этом жилище. С Мишей замечательно легко было ужиться. Мы были одинаковых взглядов и уважали друг друга. Да и деликатным он был едва ли не болезненно, чего нельзя было сказать о некоторых других моих «сожителях» по общежитию в предшествующие годы. Мы были по характеру, конечно, разные. Но мне с ним было интересно. Не припомню ни одного эпизода, когда я был бы им недоволен, обижался.

Профессионализм Миши проявился очень рано. Характерно, что в «Смене» он, тогда ещё очень молодой журналист, быстро стал ведущим – ещё до армии, и особенно после возвращения. Писать он умел, и был в этой связи успешен.

В Смоленске я не знаю ни одного человека, который бы прошёл все ступени журналистской карьеры и практически всю свою трудовую жизнь был связан с журналистикой. У Великанова выработался не только навык писания (что суть профессии), но и навык руководителя газеты (что совсем не просто было в тех условиях). Мише не повезло, что он возглавлял областную печать в переломные, революционные годы, когда принцип партийно-номенклатурный сменялся принципом клановости. Эти кланы не представляли какой-то политической силы. У них не было идеологии, а часто – просто морали. «Кучковались» вокруг власти, должностей и, в конечном счёте, вокруг кормушки. А Миша из тех, у кого был лозунг: «Я гимны прежние пою». Можно сказать, в этом проявилось его духовное величие. Но в этом была и его трагедия. Пресмыкаться он не мог и не хотел, и в новой «демократической» печати ему места не нашлось. Руководитель Смоленского отделения Союза журналистов СССР (России), он вынужден был заниматься работой, на мой взгляд, мало для него

подходящей. Думаю, не от хорошей жизни он стал доверенным лицом А. И. Лукьянова. Не потому, что не любил его или не разделял убеждения. Просто это не его дело. Его дело – журналистика! И здесь он всегда был на высоте. Думается, что неудовлетворённость, необходимость заниматься нелюбимым делом и были причиной его болезни и ранней смерти.

Последние 8 лет, в связи с моим переездом в Москву, мы с ним встречались редко. Но, бывая в Смоленске, я обязательно звонил ему, иногда мы встречались. Говорили не столько о личном, сколько о ситуации в стране и в городе. Я много раз предлагал ему написать воспоминания: «Ведь кем ты только ни работал. Никто, как ты, не знает ситуацию за последние четверть века». Ещё я ему предлагал обратиться к своим московским знакомым из журналистской среды и из руководства Союза журналистов по поводу работы. Его же там знали. Но он категорически отказывался. Последний такой разговор был у нас за кружкой пива в мае прошлого года.

Это характер, это принцип.

Но этот характер был не для нашего дикого капитализма с его волчьими законами, где все продается и покупается. Он не продавался. Я был убежден (убежден и сейчас), что походи он по кабинетам, пообещай «лояльность» – мог бы неплохо устроиться и в этой системе. Но…

Его бескомпромиссность проявлялась даже в личных, семейных вопросах. Вспоминается такой эпизод. Я, будучи председателем предметной комиссии по истории на историческом факультете пединститута в начале 90-х годов, просматривая документы абитуриентов, споткнулся на фамилии «Великанова». «Подозрительно» было и отчество – Михайловна. Решил позвонить Мише: почему ничего не сказал? А он мне ответил: «Если не дура, то поступит. Зачем я тебя буду напрягать». Потом я узнал от его жены (она связалась со мной сама), что у них был крупный скандал по этому поводу – Светлана требовала, чтобы он поговорил со мной о дочери, а он считал это унизительным и неудобным.

Конечно, этот эпизод можно рассматривать по-разному. Но он даёт представление о характере Великанова. Вот так – во всём. Хорошо ли быть таким человеком – вопрос. Но, безусловно, жить не легко.

Люди оставляют о себе разную память. Есть формальное уважение и восхваление – по должности положено. А есть человеческие оценки – за способности, таланты, и дружество, наконец. Все, кто хорошо знал Мишу, будут всегда поминать не его должности (коих было великое множество), а его самого. Главный памятник – это память людская. Не шикарные и дорогие монументы питают её, а дела, поступки. И помыслы, стремления...

Великанов М. Часы своей жизни по сердцу сверяю. Смоленск: Маджента, 2008. С. 319.